

Голосъ Маскви
и выхода

№.

40.

19/II 1910.

Послѣднее интервью.

Сотрудникъ „Туркест. Вѣд.“ разсказываетъ:

— Простите, что я заставила васъ ожидать! — сказала мнѣ Вѣра Федоровна, когда я за день до ея болѣзни зашелъ къ ней въ гостиницу, — но вѣдь вашъ Ташкентъ

оказался такимъ ~~нагостераннымъ~~, злымъ. У насъ въ труппѣ захвачено четверо человѣкъ... Вотъ я ~~по~~ хожу и навѣщаю теперь своихъ больныхъ.

У меня невольно сжалось сердце. Охватила боязнь за Вѣру Федоровну.

Но и здѣсь она была „прежде всего человѣкъ“ и въ свободныя минуты ухаживала за своими больными.

Въ разговорѣ съ В. Ф. я спросилъ, правда ли, что она хочетъ покинуть сцену, какъ она писала въ свое мѣсто письмо, напечатанное въ журналѣ „Театръ и Искусство.“

— Да, это правда! — отвѣтила В. Ф. — Я чувствую, что все, что могла я дать для театра, я дала. Теперь нужно дать новое, а что — я сама не знаю. Поэтому и ухожу со сцены. Вотъ теперь мы проѣдемъ въ Сибирь и на Амуръ, а оттуда я думаю проѣхать въ Японію, попутешествовать. Лѣтомъ отдохну, а потомъ... потомъ я мечтаю открыть художественную драматическую школу. Но это не будутъ драматические курсы съ опредѣленной программой. Наоборотъ, здѣсь будетъ полная свобода искусству. Все, что будетъ появляться новаго въ искусствѣ, будетъ преподаваться у насъ. И всякий тогда можетъ выйти изъ школы съ тѣмъ художественнымъ багажемъ, который ему нравится и который будетъ ему по силамъ.

— Я хочу, чтобы пластика и ритмъ движений не заучивались, чтобы они не были накладными, а вошли бы въ жизнь, чтобы они ожили...

— И знаете, — оживляясь, продолжала В. Ф., причемъ ея лицо освѣтилось мягкимъ внутреннимъ свѣтомъ, — кто заставляетъ меня это дѣлать? Это наша русская молодежь... Когда они приходятъ ко мнѣ со своими открытыми молодыми лицами, когда смотрятъ на меня чистыми, честными глазами, я вижу, что они вѣрятъ въ меня, что они ждутъ чего-то отъ меня — и я чувствую, что я должна сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, чтобы оправдать вѣру этой славной, хорошей молодежи!